

Цинь Няньчжи резко замер, удивлённо оглянулся, на его лице на миг промелькнула тень беспокойства, но голос остался холодным, как лёд:

— Ты чего пришёл?

Толпа тоже поспешно расступилась, давая дорогу.

Господин У лишь почуял, как у него затылок заломило: откуда взялся ещё один? Да сколько же детей у этой семьи Цинь?

Присутствующие тоже были оглушены происходящим до оцепенения. Настоящие тыквенные братья спасают дедушку: один за другим, без конца.

Господин У сжал зубы и снова спросил:

— Кто в зале?

— Второй молодой господин семьи Цинь, Цинь Хэнчжи, явился с повинной.

Все: «.....»

Байли Хань был потрясён настолько, что чуть не разломил подлокотник кресла в щепки. Чёрт возьми! Он просчитал всё до мелочей, но никак не ожидал, что Цинь Хэнчжи окажется жив. И мало того что жив, так ещё, судя по всему, в весьма неплохих отношениях с Цинь Няньчжи.

Его собственный, казавшийся безупречным план сейчас выглядел нелепой шуткой.

Теперь Императору Сюаньхэ стало абсолютно всё понятно.

Он рассеянно поглаживал нефритовое кольцо на большом пальце, со сложным выражением лица думая: Неудивительно, что он не позволил мне вмешиваться. Должно быть, это тот самый человек, ради защиты которого Няньчжи был готов пожертвовать собственной репутацией.

Неудивительно, что эта шитая белыми нитками история смогла загнать Няньчжи в ловушку. Он не то чтобы не мог спасти себя — он одновременно и спасал себя, и прикрывал настоящего убийцу. Хорошо, как же это хорошо!

Господин У уже устал, в душе скребли кошки: сегодняшнее судебное разбирательство всё больше походило на пеёстрый балаган.

А Цзян Фэн, едва взглянув на интеллигентного юношу, сразу понял, что перед ним и есть

настоящий второй молодой господин Цинь Хэнчжи. Его ноги мгновенно подкосились, и он рухнул на пол.

Причина была проста: этот юноша — и манерами, и очертаниями лица — был точной копией Цинь Юя в молодости, а чертами лица невероятно походил на наложницу Юэ Ин.

Госпожа Цзян (урождённая Ван) от ужаса вытаращила глаза и тут же опустила голову, не смея больше глядеть в ту сторону.

Госпожа Цинь годами вела ожесточённую борьбу с наложницей Юэ Ин, а позже приказала полоснуть соперницу по лицу и влить ей яд. То окровавленное, изуродованное лицо и её исполненный жгучей ненависти взгляд преследовали госпожу Цзян в кошмарах добрую половину жизни.

Цинь Хэнчжи же не обращал никакого внимания на удивлённые и недоверчивые взгляды окружающих. Он ласково посмотрел на Цинь Няньчжи, и уголки его губ тронула нежная улыбка.

Затем он невозмутимо распахнул свои одежды, обнажив крепкие мышцы груди и живота, отчего лица стоявших вокруг юных дев мгновенно залились краской, а сердца забились чаще.

Он продемонстрировал ладонное родимое пятно в форме красного облака на пояснице, убедился, что все в зале хорошо его рассмотрели, и лишь после этого неторопливо запахнул одежду обратно.

Байли Хань скрежетал зубами:

— Цинь Няньчжи, до чего же ты изворотлив. Нашёл кого-то с точно таким же родимым пятном на пояснице. Думаешь, сможешь подменить понятия и провести всех нас?

Лже-Цинь Хэнчжи завопил во всю мочь:

— Да ты какой-то самозванец! Как посмел выдать себя за меня? Не иначе как на имущество семьи Цинь заришься!

Цинь Хэнчжи бросил на него острый, пронизывающий взгляд, полный неприкрытого хвастовства:

— Имущество семьи Цинь? Смешно! Брату оно даром не нужно, он уже давно отдал мне всё своё состояние.

Едва эти слова сорвались с губ, в зале воцарилась мёртвая тишина.

Цинь Хэнчжи, казалось, вовсе этого не замечая, продолжил с вызовом:

— Ты с пеной у рта доказываешь, что ты и есть настоящий второй молодой господин Цинь, тогда ответь мне: что написано на обратной стороне свитка Весенняя обитель на горе Шоушань, который висит в кабинете отца?

Какой подарок на шестой день рождения подарили мне отец и наложница?

Спасая меня, наложница случайно обварилась кипятком, оставив на теле большой шрам — где именно он находится?

Мы с братом закопали под углом стены во Дворе Бамбука коробочку из сандалового дерева — ну-ка, поведай всем, что в ней спрятано?

Юноша покрылся холодным потом и замялся, беспомощно бормоча:

— Я... я... столько времени прошло, я скитался на чужбине...

Цинь Хэнчжи тихонько засмеялся, резко прерывая его и наступая шаг за шагом:

— Полагаю, ты хотел сказать, что скитался по свету, сильно повредил голову и всё забыл, верно?

Раз уж ты не можешь ответить, позволь мне самому поведать суду. На обратной стороне Свитка Жизнь в горах Фучунь красуется моя собственная мазня. На шестой день рождения отец подарил мне тушечницу из Дуаньси, а наложница своими руками сшила для меня защитные доспехи. Шрам от ожога находится на левой ноге. А в сандаловой шкатулке, которую мы с братом собственноручно закопали в углу двора, лежат нефритовые подвески, которые отец лично вырезал и отполировал для нас двоих!

И если всего этого ты не помнишь, то уж гибель кормилицы из покоев госпожи-матери точно не должен был забыть! Это ты собственными руками столкнул её, своими глазами видел, как она рухнула в пруд и захлебнулась насмерть! Мало того, ты толкнул саму госпожу Цинь, из-за чего у неё начались преждевременные роды, и она погибла, унеся с собой нерождённого ребёнка!

Глава 31. Открытый суд (часть 7)

А не припоминаешь ли ты, как своими руками погубил кормилицу из покоев госпожи? Видел собственными глазами, как она захлебнулась насмерть! А потом толкнул и саму госпожу Цинь, обрекая её на мучительную смерть в родах!

Фальшивый юноша под напором этого страшного обвинения попятился и рухнул на землю:

— Нет, нет, я никого не убивал! Это не я! Я не Цинь...

Он резко замолчал, захлопнув рот.

Однако все присутствующие уже всё поняли: перед ними самый настоящий самозванец.

Цинь Хэнчжи отвесил почтительный поклон господину У:

— Ваша честь, отправьте людей с проверкой в Поместье Цинь — они сами воочию убедятся, правду ли я говорю.

А госпожа Цзян от удивления не могла закрыть рот и лишь беспрестанно бормотала себе под нос:

— Невозможно, этого просто не может быть, я ведь сама своими глазами видела, как старший молодой господин столкнул хозяйку.

Господин У снова ударил по Дощечке судьбы:

— Цинь Хэнчжи, что в тот день произошло на самом деле, выкладывай всё без утайки!

Цинь Няньчжи уже было открыл рот, но Цинь Хэнчжи перехватил его за рукав, сделал шаг вперёд и заговорил:

— Уважаемые судьи, выслушайте меня. Правду узнать не сложно. В тот день у брата был десятый день рождения, и я своими глазами видел...

Цзян Фэн ухватился за эту зацепку, словно утопающий за соломинку, и заорал во всю глоть:

— День рождения старшего молодого господина — пятнадцатое февраля, а настоящий второй молодой господин пропал ещё в первых числах февраля!

Ты утверждаешь, что видел всё своими глазами, но это чистой воды ложь! Ваша честь, он лжёт! Он мошенник! Выгоните его вон!

Господин У с раздражением швырнул деревянную бирку:

— За неоднократное нарушение порядка в суде — двадцать ударов по щекам!

Стражники у входа, не говоря ни слова, засучили рукава и выступили вперёд, приступая к исполнению наказания.

Удар за ударом, и лицо Цзян Фэна в мгновение ока разнеслось, превратившись в опухший пампук.

Остальные присутствующие в страхе трогали собственные щёки и, охваченные дурным предчувствием, испуганно подались назад.

Цинь Хэнчжи продолжил:

— Все в Поместье Цинь были уверены, что это брат погубил меня, но на самом деле всё обстояло с точностью до наоборот.

Наложница и госпожа Цинь грызлись всю свою жизнь, а мы с братом были лишь разменными монетами в их усобицах.

Едва отец испустил дух, госпожа поспешила избавиться от нас с наложницей. Брату в ту пору исполнилось лишь десять лет, и единственное, до чего он додумался, — спрятать меня в надёжном месте.

Но мы были всего лишь сопляками, и в огромном Пекине нам, лишённым защиты старших, было негде укрыться.

Тогда брат сделал так, чтобы все решили, будто он бросил меня на произвол судьбы и меня похитили работорговцы. На самом же деле я всё это время прятался в самом Поместье Цинь.

В этот момент госпожа Цзян, похоже, осталась единственным хладнокровным человеком в зале:

— Чушь собачья! Я тогда прислуживала старшему молодому господину и днём и ночью не покидала Двор Бамбука. Если бы в усадьбе завёлся ещё один ребёнок, я бы непременно заметила.

Цинь Хэнчжи усмехнулся:

— Мой брат — умнейший человек на свете. Он вовсе не стал приводить меня в свои покои, а спрятал во Дворе Падающего Лотоса.

В зале поднялся шум.

Госпожа Цзян не верила своим ушам:

— Ты прятался во Дворе Падающего Лотоса? Быть того не может!

После твоего исчезновения хозяйка тоже подозревала, что старший молодой господин укрыл тебя, и поместье перевернули вверх дном, но так ничего и не нашли.

— Конечно вы не смогли меня найти, потому что брат спрятал меня в той самой тайной комнате, куда его запирали за провинности.

В этом подземелье не было ни лучика солнца, лишь крошечная вентиляционная отдушина да полуразвалившаяся деревянная кровать — под ней я обычно и прятался.

Именно из-за того, что прятались на самом видном месте, меня никто и не обнаружил. Я просидел в этой тайной каморке ровно полмесяца.

Если ваши милости мне не верят, пусть прикажут отодвинуть ту деревянную кровать: на её досках я собственноручно вырезал три иероглифа чжэн — ровно пятнадцать чёрточек.

Обыватели ахнули от изуродованных открытием подробностей.

Взгляды, устремлённые на него, теперь были наполнены жалостью и сочувствием.

Цинь Хэнчжи продолжил:

— Каждый раз, когда я выглядывал наружу через отдушину, мне был прекрасно виден лотосовый пруд во Дворе Падающего Лотоса.

В тот день был день рождения брата, и я своими глазами видел, как госпожа привела его на арочный мостик. Она что-то сказала брату, после чего тот выглядел совершенно потрясённым и хотел было уйти. Но в ту же секунду кормилица госпожи неожиданно протянула руки и столкнула брата с моста в воду.

А сама госпожа, его родная мать, стояла с выпирающим животом и хладнокровно за этим наблюдала.

По толпе прокатился вздох ужаса. Второй лунный месяц — время возвращения холодов, упасть в воду в такую пору смертельно опасно даже для крепкого мужика, что уж говорить о хвором ребёнке.

Говорят, даже дикий зверь не трогает своих детёнышей, неужто эта госпожа Цинь сошла с

ума?!

Император Сюаньхэ сжал кулаки так, что на них вздулись вены: вот оно что... вот почему Няньчжи всю жизнь отказывался праздновать дни рождения.

Цинь Хэнчжи продолжал:

— Оглушённый увиденным, я даже не успел позвать на помощь — пулей выскочил наружу и сиганул в воду, а вскоре вытащил брата на берег.

Но эта бессердечная карга-кормилица, завидев меня, лишь рассвирепела пуще прежнего и попыталась утопить нас обоих.

Пока мы боролись, я впопыхах толкнул её в пруд. Госпожа до смерти испугалась, я бросился за ней на мост, желая спросить, до чего же она жестока и бессердечна.

Мы стали тянуть друг друга, она поскользнулась и упала, а дальше... всё было так, как рассказывала госпожа Цзян: она завизжала, а я сбежал. Но я и помыслить не мог, что она окажется настолько тупой, чтобы из-за какой-то одежды до конца верить, будто братец погубил хозяйку.

Добравшись до Двора Бамбука, я вскоре услышал весть о преждевременных родах госпожи и о том, что её кормилица утонула в пруду — во всём поместье началась страшная суматоха.

Вскоре управляющий Цинь привёл назад брата. Тот был еле жив, и лишь чудесное искусство лекаря Цзин Хуна вернуло его с того света.

Брат пришёл в себя лишь спустя два дня, к тому моменту госпожа и её нерождённый ребёнок уже скончались. Братик безумно страдал, но он не знал правды — он искренне верил, что госпожа поскользнулась сама и это привело к выкидышу.

Я не смел рассказать ему правду и ещё меньше хотел оставаться в Поместье Цинь. Тогда брат распродал большую часть семейного имущества, всё уладил и отправил меня учиться в Академию Сучжоу. С тех пор я сменил имя и внешность, и в этом мире больше не существовало Цинь Хэнчжи.

В этот момент судебные служащие, отправленные с проверкой в Поместье Цинь, вернулись, принеся с собой свиток Жизнь в горах Фучунь из кабинета и покрытую пылью коробочку из сандалового дерева.

Стоило её открыть, как перед судом предстали две одинаковые старинные нефритовые подвески с мягким внутренним блеском, на которых были высечены имена братьев.

К этому моменту правда выплыла наружу во всей полноте, и толпа шумно запереживала.

Супруги Цзян сидели ни живы ни мертвы, их трясло мелкой дрожью, и они растеклись по полу бесформенной лужицей, не в силах вымолвить в своё оправдание ни единого слова.

Повитуха Цао Цзиньсю прикрыла глаза, её взгляд хищно заблестел, и она принялась отчаянно бить поклоны:

— Помилуйте, ваша честь! Старуха и не думала намеренно клеветать на старшего молодого господина!

Во всём виноват этот Цзян Фэн: он разыскал меня, наплел с три короба, вот я и заблуждалась на счёт старшего молодого господина. Хорошо ещё, что беды не случилось, умоляю вашу честь проявить милосердие и пощадить старуху!

— Бам!

Дощечка судьи гроыхнула с оглушительной силой.

Господин У властно обвёл взглядом сидевших внизу людей. Все факты по делу были очевидны: эти мерзавцы явно явились сюда с заранее заготовленным планом и умышленно подставили Цинь Няньчжи. За их спинами определённо стоял кто-то влиятельный, но если копать дальше, можно было задеть слишком высокие сферы.

Поразмыслив с минуту, господин У поднялся со своего места и почтительно поклонился в сторону помоста:

— Ваши подданные оправдали доверие: правда наконец раскрыта, а честное имя господина Цинь очищено от наговоров.

Теперь я выношу приговор:

Преступница госпожа Цзян (урождённая Ван), предавшая своего господина служанка, замышлявшая отравить чиновника императорского двора — её злодеяния караются смертью, приговорить к немедленному обезглавливанию!

Преступники Цзян Фэн и Цао Цзиньсю, вступившие в сговор с целью осквернить доброе имя государственного служащего...

В этот момент притворившийся Цинь Хэнчжи юноша словно помешался рассудком. Внезапно вскочив на ноги, он сорвал с головы Цао Цзиньсю серебряную шпильку, ткнул ею себе в горло и принялся одновременно смеяться и плакать, лицом напоминая безумца.

— Всё не так! Я — настоящий второй молодой господин Цинь! Я! Всё в доме Цинь должно принадлежать мне!

Почему ты до сих пор не сдох от яда? Стоит тебе окочуриться, и всё станет моим! Почему ты до сих пор не сдох?!

С этими словами он бросился на Цинь Няньчжи, но не успел сделать и двух шагов, как его скрутили.

— Живым взять! — голос Императора Сюаньхэ ещё не затих, как...

— Вжух! — раздался резкий звук.

Старый герцог выхватил у стоявшего рядом стражника широкий меч и одним быстрым движением полоснул юношу по горлу. Горячая кровь фонтаном брызнула во все стороны.

Глава 32. Открытый суд (часть 8)

Зрители из толпы завопили в ужасе.

Госпожа Цзян и Цао Цзиньсю от этой кровавой сцены лишились чувств и рухнули на землю без памяти.

Цзян Фэн сидел с совершенно убитым, опустошённым лицом, словно заранее предвкушая собственную казнь.

Байли Хань опустился на колени и заговорил с усердной мольбой в голосе:

— Старый слуга впопыхах потерял контроль над собой, умоляю Ваше Величество о снисхождении. Я лишь слишком сильно переживал, опасаясь, как бы этот проходимец не навредил государю.

Император Сюаньхэ не рассердился, а лишь холодно усмехнулся:

— Хорошо, как же хорошо! Я должен искренне поблагодарить герцога за его преданность престолу.

Видя, что император пылает праведным гневом и готов устроить расправу прямо здесь, Цинь Няньчжи принял решение мгновенно:

— Ваше Величество, ваш покорный слуга плохо управлял людьми в собственном доме и не смог

навести порядок в семье, породив всю эту смуту. Но благодаря мудрости Вашего Величества истина восторжествовала, моя невиновность доказана, а имя очищено от грязи — я бесконечно благодарен!

Заметив, что юноша слегка приподнял голову, а его живые глаза лукаво блестят и даже подмигивают ему, император невольно усмехнулся. Смягчив гнев, он вальяжно откинулся на спинку сиденья, решив понаблюдать за дальнейшим представлением.

Байли Хань, видя, что Цинь Няньчжи публично помог ему выкрутиться, а император замолчал, самодовольно ухмыльнулся. Сопляк-император сидит на престоле всего два года, смешно и думать, что он посмеет пойти против него, главного министра-регента.

Но он никак не ожидал, что Цинь Няньчжи резко сменит тон, и его слова зазвучат убийственно остро:

— Однако старый герцог до того, как во всём разобрались, неоднократно позволял себе оскорбления в мой адрес, бросался грязными ругательствами и всячески унижал меня. Разве не должен он теперь принести мне свои извинения?

— Что ты сказал?

Байли Хань растерянно поковырялся в ухе, не веря своим ушам:

— Ты, зелёный малец, смеешь требовать, чтобы я, старик, перед тобой извинялся?

Цинь Няньчжи вёл себя абсолютно невозмутимо:

— Герцог известен своим благородством и возвышенными помыслами, а ещё он назначен самым покойным императором главным советником-регентом. Он просто обязан быть честным, совестливым и прямым героем без страха и упрёка!

Неужто он станет притворяться глупцом, прекрасно понимая, что поступил и выразился неверно, и даже не соизволит хоть как-то загладить свою вину?

Или же слухи не врут, и старый герцог растерял остатки стыда, а прикрываясь родством с вдовствующей императрицей, творит бесчинства, из зависти к молодым талантам намеренно травит и давит перспективных мужей?

— Ты! Ах ты, щенок! Да как ты...

Байли Хань затрясся от ярости, его лицо пошло пятнами, а глаза налились ядовитой злобой, сменяя оттенки один за другим.

Слыша вокруг шёпот толпы и уловив слова «высокомерный», «бессовестный», «привыкший прикрываться чужой властью»...

Он скрипел зубами так, что закладывало уши, и выдавливал по слову:

— Старик сам был введен в заблуждение злоумышленниками, из-за чего и оклеветал господина Цинь. Подарок в знак раскаяния будет отправлен позже, прошу господина Цинь простить меня.

Цинь Няньчжи легко улыбнулся:

— Герцог слишком любезен. Я человек молодой, стерпеть обиду для меня лишь в порядке вещей — разве могу я принимать от вас какие-то дары в возмещение ущерба?

Окружающие зеваки принялись восторженно хлопать в ладоши, наперебой расхваливая щедрость, широту души и благородство господина Цинь.

Цинь Няньчжи подошёл ближе и бросил с издешливой усмешкой:

— Берегите свои гробовые деньги, мне эта скверна без надобности.

Байли Хань сперва остолбенел, а затем взбесился пуще прежнего. Взмахнув рукой, он обрушил на юношу удар, от которого тот испустил пронзительный крик, обмяк и рухнул прямо в объятия Цинь Хэнчжи.

Всё произошло так стремительно, что император первым вскочил на ноги:

— Няньчжи!

Но тут же сообразил, в чём дело:

— Живо! Уведите господина Цинь к лекарям!

Цзин Мин отлично подыграл спектаклю, истошно завопив на весь зал:

— Господин Цинь и без того слаб здоровьем, а пару дней назад его ещё и отравили, он едва выкарабкался с того света! Как же вам не стыдно, герцог, перегибать палку!

С этими словами, не обращая внимания на перекошенное от ярости лицо старого герцога, он подхватил братьев Цинь и бросился прочь со всех ног, продолжая кричать по дороге:

— Дорогу, дорогу расступитесь! У господина Цинь тяжёлые внутренние повреждения, нельзя терять ни минуты, пропустите!

Байли Хань наконец сообразил, в какую ловушку угодил, и чуть не стёр коренные зубы, но поделаться ничего не мог — оправдаться было невозможно.

Он и сам не понял, как попался на удочку этого молокососа. Теперь можно было не сомневаться: завтра по всей столице поползет молва о том, что старый герцог злоупотребляет властью, преступает закон и избивает чиновников императорского штата...

Император Сюаньхэ, наблюдая за этим фарсом из-за занавеси, искренне веселился, и уголки его рта ползли вверх, как он ни старался их удержать.

Ну и мерзавец этот Цинь Няньчжи: злопамятный, хитрый, изворотливый. И смылся так быстро, а разгребать всё опять мне.

.....

Цинь Хэнчжи крепко прижимал к себе юношу, летя вперёд с грацией хищника и не отставая от Цзин Мина и Шэнь Цяо. Петляя по коридорам Далисы, он покрылся холодным потом от напряжения.

Стоило им завернуть в тихий безлюдный угол, как мнимо потерявший сознание юноша разомкнул ясные глаза и недовольно бросил:

— Всё, хватит бежать, опусти меня на землю.

Цинь Хэнчжи замер на мгновение, в нерешительности занеся руки.

Цинь Няньчжи уже самостоятельно выскользнул из его хватки.

Шэнь Цяо слегка поддержал его под локоть и произнёс с укоризной:

— Господин Цинь сегодня славно поиздевался над герцогом. Хотя вы и выпустили пар, но боюсь, накликали на себя смертельную беду.

Цинь Няньчжи усмехнулся:

— Издевался я над ним или нет, он бы всё равно от меня не отстал. Я лишь плачу той же монетой. Раз уж он первый решил меня погубить, я просто забрал причитающиеся мне проценты.

Я человек государев, а клика вдовствующей императрицы уже столько раз безуспешно пыталась переманить меня на свою сторону — теперь между нами идёт война не на жизнь, а на смерть.

Раз уж так вышло, лучше сразу сорвать маски. Теперь вся столица знает, что мы с ним на ножах, и если со мной что-то случится, как думаете, на кого первого падет подозрение?

Шэнь Цяо просиял:

— Какой тонкий расчёт у господина Цинь! Теперь партийцы императрицы будут связаны по рукам и ногам и ещё долго не посмеют сунуться.

Цзин Мин покачал головой:

— До чего же ты страшный человек. Тот, кто перейдёт тебе дорогу, гарантированно познает все прелести ада.

Цинь Хэнчжи тут же вступился:

— Ничего братец не страшный! Братец просто невероятно умён!

Трое уставились на Цинь Хэнчжи.

Цзин Мин критически оглядел обоих:

— А вы, братцы, мастера скрывать тайны. Сколько лет знакомы, а ты о нём ни разу словом не обмолвился.

Лицо Цинь Хэнчжи помрачнело:

— Это я во всём виноват, причинил братцу столько боли. И если он не хочет вспоминать обо мне, злиться или ненавидит — он имеет на это полное право.

Шэнь Цяо: «.....»

Цзин Мин: «.....»

К чему это вдруг такое притворное самоуничижение? Все присутствующие на миг погрузились в неловкое молчание.

Цинь Няньчжи искренне не представлял, как ему вести себя с этим братом, родившимся всего на десяток дней позже него.

С самого появления на свет они были пешками в играх своих матерей за власть и внимание отца. По правде говоря, в детстве их отношения были далеки от дружеских.

Поразмыслив с минуту, он сухо выдавил:

— Ты всё усложняешь.

— Правда?! — ясные глаза Цинь Хэнчжи внезапно вспыхнули, во взгляде промелькнула горячая надежда. Но не успел он обрадоваться, как услышал новый вопрос брата:

— Так когда ты возвращаешься в Сучжоу?

Цинь Хэнчжи опустил ресницы, изображая глубокую скорбь:

— Братец и вправду так сильно не хочет меня видеть? Неужто тебе не терпится поскорее спроводить меня прочь?

Цинь Няньчжи поспешно оправдался:

— Я вовсе не это имел в виду... Просто теперь ты — глава Торговой палаты Сучжоу. Я лишь переживаю, что твой внезапный отъезд может повредить...

— Ничему это не повредит! Абсолютно ничему! Братец может не беспокоиться!

Голос Цинь Хэнчжи слегка дрожал, в нём слышалась робкая, заискивающая нотка:

— Я... могу я остаться в столице, остаться рядом с тобой? Я... я просто соскучился по дому, мне так хотелось вернуться в Поместье Цинь.

Цинь Няньчжи ответил с показным равнодушием:

— Как знаешь, оставайся где хочешь, поместье ведь и твой дом тоже. Только...

Сердце Цинь Хэнчжи тревожно подпрыгнуло.